

Р.В. САВЕНКОВ*

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ОППОЗИЦИОННЫХ КАНДИДАТОВ ПО ИТОГАМ
ВЫБОРОВ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ
В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ РЕГИОНЕ
(2010–2018)¹**

Аннотация. В статье проанализирована электоральная статистика итогов региональных выборов представительных органов власти и глав администраций субъектов РФ в пяти областях ЦЧР. Систематизация данных ЦИК РФ позволяет сравнить результаты голосования на уровне окружных и территориальных избирательных комиссий до и после «партийной реформы» 2012–2014 гг. Анализ фиксирует снижение явки на региональных выборах ЦЧР, снижение электоральной активности городских избирателей, в сравнении с сельскими, большую поддержку последними партий и кандидатов «от власти». Оппозиционные партии и кандидаты в наблюдаемый период обладают недостаточным для полноценной конкуренции электоральным потенциалом, с тенденцией его снижения. В то же время в 2017–2018 гг. зафиксировано снижение электоральной поддержки кандидатов «от власти».

Ключевые слова: политические партии; электоральный процесс; политическая оппозиция; уровень конкуренции; явка на выборах.

* **Савенков Роман Васильевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия), e-mail: rvsav@yandex.ru

Savenkov Roman, Voronezh State University (Voronezh, Russia), e-mail: rvsav@yandex.ru

¹ Автор признателен студенту бакалавриата специальности «Политология» Воронежского государственного университета Владимиру Орлову за помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010–2018) // Политическая наука. – М., 2019. – № 2. – С. 74–94. – DOI: 10.31249/poln/2019.02.04

R.V. Savenkov
Electoral potential of opposition candidates
on the basis of elections to regional parliaments
in the Central Black Earth Region (2010–2018)

The paper analyzes the electoral statistics of the results of regional elections in Parliament and Governor in five regions of the Central Black Earth Region. Systematization of the data of the CEC of the Russian Federation allows comparing the results of voting at the level of district and territorial election commissions before and after the «party reform» of 2012–2014. The analysis records a decrease the level of participation in regional elections of the Central Chernozem Region, a decrease in the electoral activity of «city» voters, in comparison with the rural voters, greater support by the rural voters parties and candidates «from the authorities». Opposition parties and candidates in the observed period have insufficient electoral potential for full-fledged competition, with a tendency to reduce it. At the same time in 2017–2018 a decrease in electoral support of candidates «from the authorities» was recorded.

Keywords: political parties; electoral process; political opposition; level of competition; voter turnout.

For citation: Savenkov R.V. Electoral potential of opposition candidates on the basis of elections to regional parliaments in the Central Black Earth Region (2010–2018) // Political science (RU). – М., 2019. – N 2. – P. 74–94. – DOI: 10.31249/poln/2019.02.04

В соответствии со сложившейся в западной политической науке традицией, об оппозиции говорят в узком и широком смыслах [Kubat, 2010, s. 18–19]. Политическая оппозиция в узком смысле – это политическая партия, коалиция или движение, являющееся парламентским меньшинством, но могущее прийти к власти по итогам следующих выборов [Сергеев, 2004, с. 125]. Такая традиция заложена интенсивным развитием многопартийности, поскольку при демократическом политическом режиме именно партии являлись основным носителем и выразителем оппозиционного потенциала. В российской политической науке сложилась традиция рассматривать феномен политической оппозиции в широком смысле, сосредотачиваясь на деятельностном аспекте участников политического процесса. При таком подходе политическая оппозиция – это про-

стое противоположение одной политики другой, выступление либо против мнения большинства, либо господствующего мнения, состояние противопоставления или противоречия с чем-либо [Политлексикон, 2013, с. 392]. Некоторые западные исследователи выступили с предложением расширить понятие «политическая оппозиция», включив в него все формы несогласия с правительством или его политикой, политической элитой или политическим режимом в целом, выражаемые организованными акторами в публичной сфере различными формами поведения [Brack, Weinblum, 2011, p. 74].

Социальным основанием политической оппозиции является множественность политических интересов и групп. Политический плюрализм, по мнению Дж. Сартори, имеет две составляющие. С одной стороны, он основывается на культурной, социальной множественности, с другой – политический плюрализм возможен в определенных институциональных условиях, при которых существуют более чем одна политическая партия [Sartori, 2005, p. 13–17]. Другими словами, множественность партий, кандидатов на выборные должности должны иметь социальный фундамент, выражающийся в электоральной поддержке. Электоральная поддержка – это измеряемый и прогнозируемый показатель, позволяющий оценить возможности оппозиционной политической партии влиять на законодательный процесс, а также мобилизовывать своих сторонников и симпатизантов в период предвыборной кампании.

В отечественной политологии при анализе партийно-политической оппозиции и конкуренции сложилась традиция рассмотрения как социально-культурных, так и институциональных факторов. Концентрируясь на социальных и культурных факторах, они фиксируют слабость гражданского общества и отказ от участия в партийной деятельности. Рассматривая проблемы институционального дизайна, выделяют «суперпрезидентский» характер политической системы, в которой президент оказывает влияние на правительство, парламент и судебную власть, подчиняет себе всю общественно-политическую жизнь [Михалева, 2009; Кислицын, 2017; Гельман, 2013]. Другими словами, институциональные, социальные и культурные возможности для формирования политической оппозиции в России 2000-х годов нельзя назвать широкими.

Оппозиционными системными партиями в официальном дискурсе принято называть КПРФ, ЛДПР и «Справедливую Россию». Только эти три партии обладают федеральным парламентским статусом, имеют узнаваемых общенациональных лидеров. Однако стратегия и тактика политических действий этих партий не приносила результатов: доминирование партии «Единая Россия» сохранялось как на федеральном уровне, так и в подавляющем большинстве региональных парламентов. Такие электоральные результаты позволили большинству отечественных и зарубежных политологов не считать парламентские партии в современной России самостоятельными субъектами политического процесса [Козырева, 2014; Саква, 2015]. По наблюдениям движения «Голос: За честные выборы», «современная российская партийная система не выполняет своих ключевых функций: партии, как правило, не участвуют в подавляющем большинстве проходящих в стране выборов; слабо осуществляют подбор и выдвижение кадров; плохо выражают интересы определенных групп населения на местах и не помогают осуществлять устойчивую коммуникацию граждан и местных общественных институтов с властью... Неспособность большинства политических партий самостоятельно преодолеть «муниципальный фильтр» на губернаторских выборах во многом является следствием пассивности самих партий на местных выборах» [Сонное царство...]. Другими словами, большинство исследователей указывают на отсутствие массовой электоральной поддержки парламентской и партийной оппозиции, с одновременным негативным влиянием на уровень партийной конкуренции институциональных факторов.

Среди экспертного сообщества возросли ожидания появления новых политических партий в связи с митингами протеста в 2011–2012 гг. и началом партийной реформы 2012–2014 гг. Митинги против фальсификации итогов выборов депутатов Государственной думы 2011 г. продемонстрировали общественный запрос на формирование полноценных демократических институтов, на появление новых политических организаций [Доклад о состоянии... 2012, с. 6]. Сформировались благоприятные условия для формирования социального фундамента оппозиционных партий. Однако существующие парламентские политические партии не смогли канализировать растущую общественную потребность в политической конкуренции, не поддержали протестные настрое-

ния жителей крупных городов и не воспользовались моментом для укрепления своего общественного авторитета на региональных и муниципальных выборах.

Целью данной статьи является оценка электорального потенциала оппозиционных политических партий в Центрально-Черноземном регионе в 2010-х годах. В рассматриваемый период региональные отделения общенациональных политических партий, участвующие в федеральных и региональных выборах, оставались основным каналом выражения общественного недовольства. Активность политических партий по выдвижению кандидатов на выборные должности в субъекте Федерации отчасти позволяет оценить уровень межэлитной конфликтности и характер элитных расколов в регионе.

В соответствии с экономическим районированием России в Центрально-Черноземный регион (далее – ЦЧР) традиционно включают пять областей: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую. В 1990-е годы специалисты по электоральной географии относили ЦЧР к так называемому «красному поясу» – макрорегиону с высокой электоральной поддержкой кандидатов от КПРФ и других левых, протестно-оппозиционных партий. «Этой группе регионов присущ повышенный консерватизм, что объясняется значительной долей сельского населения и преобладанием соответствующего типа ментальности» [Туровский, 1999–2000, с. 105]. В связи с этим цель статьи – оценить трансформацию протестного голосования на региональных выборах в ЦЧР в 2010-е годы, определить электоральный потенциал оппозиционных политических партий и кандидатов на выборах глав региональных администраций.

Хронологически наши наблюдения делятся на два периода: 1) выборы депутатов региональных парламентов до «Болотного» протеста и партийной реформы – 2010–2011 гг., когда в стране действовало семь политических партий; 2) выборы депутатов региональных парламентов после реформы – 2015–2016 гг., когда количество партий, имеющих право участвовать в выборах, возросло до 75. В ходе первого периода в 2010 г. региональные парламенты были сформированы в Белгородской и Воронежской областях, а в 2011 г. – в Курской, Липецкой и Тамбовской. В ходе второго периода очередные парламентские выборы состоялись

соответственно в 2015 г. в Белгородской и Воронежской и в 2016 г. – в Курской, Липецкой и Тамбовской областях.

Граница между первым и вторым периодом определяется так называемой «партийной реформой» 2012–2014 гг., когда в федеральное законодательство были внесены существенные изменения: минимальное число членов политической партии было снижено до 500 человек; все зарегистрированные партии были освобождены от сбора подписей избирателей; были восстановлены прямые губернаторские выборы. В 2014 г. была возвращена на выборах в Государственную думу смешанная несвязанная система с 5%-ным барьером, а на муниципальных выборах восстановлена графа «против всех». Партийная реформа стала реакцией властей на падение рейтинга партии «Единая Россия» и рост протестных настроений в российском обществе. Несмотря на общую непоследовательность, реформа все же привела к появлению новых игроков по итогам региональных выборов 2013 г., к допуску некоторых оппозиционных политиков к легально санкционированной партийной деятельности. [Партийная реформа и контрреформа... 2015, с. 61–62, 90; Политическое развитие России... 2016, с. 100]. В результате партийной реформы 2012 г. появилось несколько партий («Коммунисты России», РППСС, «Родина», «Гражданская платформа»), степень участия в выборах и результаты которых вполне сопоставимы с аналогичными показателями старых непарламентских партий («Яблоко», «Патриоты России», Партия Роста).

Одновременно с конца 2013 г. в партийно-избирательное законодательство вносятся новеллы, ослабляющие возможности участия в выборах организованных оппозиционных кандидатов: прямые выборы губернаторов сразу были восстановлены с «муниципальным фильтром», доля депутатов, избираемых по пропорциональной системе в региональные парламенты, была снижена с 50 до 25%, восстановлено требование к новым партиям по сбору подписей избирателей при регистрации партийных списков и кандидатов.

Для оценки электорального потенциала оппозиционных партий в ЦЧР на региональных выборах мы провели измерение уровня межпартийной конкуренции на основе анализа данных электоральной статистики региональных выборов с официального сайта

Центральной избирательной комиссии РФ¹, структурированных по территориальным / окружным избирательным комиссиям. Анализ результатов голосования по ТИК / ОИК позволяет нам рассмотреть отдельно данные городских и сельских поселений. В группу «городские поселения» мы условно отнесли населенные пункты с численностью более 40 тыс. жителей, предполагая, что в таких поселениях происходят отказ жителей от преимущественного занятия сельским хозяйством и формирование «городской субкультуры». На втором этапе проблема отдельного рассмотрения результатов голосования городских и сельских избирателей усложняется проведенной избирательными комиссиями демаркацией ОИК, по итогам которых многие городские ТИК были объединены с сельскими в границах новых ОИК.

Измерение уровня электоральной межпартийной конкуренции было проведено при помощи следующих показателей:

- количество партий, имеющих право регистрировать своих кандидатов на региональных выборах;
- количество зарегистрированных партийных участников выборов;
- доля голосов избирателей, полученных крупнейшей партией;
- доля голосов избирателей, полученных партиями парламентской оппозиции²;
- эффективное число электоральных партий (ЭЧЭП)³;
- эффективное число парламентских партий (ЭЧПП);
- доля голосов избирателей, проголосовавших вне участков для голосования;
- доля бюллетеней, признанных недействительными;
- явка на выборах депутатов региональных legislatures и на выборах глав администраций субъектов РФ, входящих в ЦЧР;

¹ Информация о выборах и референдумах / Центральная избирательная комиссия. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (Дата посещения: 10.01.2019.)

² Имеются в виду партии, допущенные к распределению мандатов пропорциональной части Государственной думы: КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

³ Рассчитано по формуле М. Лааксо и Р. Таагеперы: $1/\sum S_i^2$, где S_i – доля голосов от суммы действительных и недействительных бюллетеней (ЭЧЭП) или мест i -партий в региональном парламенте (ЭЧПП).

– соотношение доли голосов, поданных за инкумбента / «основного» кандидата, и доли голосов, поданных за его конкурентов на выборах глав администраций субъектов РФ, входящих в ЦЧР.

Для анализа различий в явке и структуре голосования на выборах депутатов региональных парламентов и выборов глав региональных администраций / губернаторов мы рассматриваем общие результаты голосования по выборам главы региональной администрации в Белгородской (2012, 2017), Воронежской (2014, 2018), Курской (2014), Липецкой (2014) и Тамбовской (2015) областях.

В рассматриваемый период при формировании региональных парламентов использовалась смешанная избирательная система (мажоритарно-пропорциональная). Соотношение пропорциональной и мажоритарной частей в основном равно (в Курской области превышение мажоритарной части на одного депутата, в Белгородской – превышение на одного депутата в пропорциональной части на выборах 2010 г.). В соответствии с федеральными рекомендациями проходной барьер в четырех региональных парламентах был снижен с 7 (в первом периоде) до 5% (во втором периоде), а в Белгородской области в течение всего рассматриваемого периода он составлял 5%. В Белгородской области к выборам 2015 г. увеличилось количество депутатов (с 35 до 50) (см. табл. 1).

В 2010-е годы четыре парламентских партии во всех пяти регионах выдвигали кандидатов по пропорциональной части и добились представительства. Соотношение динамики количества политических партий и их региональных отделений (имеющих право регистрировать кандидатов) к количеству партий / избирательных объединений, принявших участие в выборах, демонстрирует значительное отставание реального участия в выборах (см. табл. 1).

Формальное количество потенциальных субъектов избирательного процесса в ЦЧР в среднем выросло в 10,9 раза, однако рост реального участия в выборах политических организаций вырос только в 1,5 раза. Во второй период наблюдений зафиксирована тенденция снижения количества партий, успешно проходящих процедуру регистрации своих списков кандидатов. Наивысший показатель участия региональных отделений партий в парламентских выборах после партийной реформы в Белгородской и Липецкой областях (9), наименьший – в Курской области (5). Данная тенденция характерна для региональных выборов в большинстве регионов России в 2014 г. [Кынев, 2015, с. 71–72].

Таблица 1

Соотношение динамики количества политических партий и их региональных отделений, имеющих право участвовать в региональных выборах, к количеству партий / избирательных объединений, принявших участие в выборах

	Год	Кол-во мандатов	Кол-во партий ¹	Кол-во выдвинутых списков	Кол-во партий-участников	Динамика партий	Динамика участия
Белгородская область	2010	35	14	5	5	9,5	1,8
	2015	50	133	13	9		
Воронежская область	2010	56	15	5	5	8,9	1,2
	2015	56	133	12	6		
Курская область	2011	56	14	6	6	9,7	0,8
	2016	56	136	11	5		
Липецкая область	2011	45	14	4	4	8,9	2,3
	2016	45	124	11	9		
Тамбовская область	2011	50	7	5	4	17,6	1,5
	2016	50	123	6	6		

Таким образом, партийная реформа не привела к значительному росту количества участников региональных парламентских выборов. Низкую динамику участия партий в региональных выборах А. Кынев объясняет целенаправленным стремлением «власти» к сокращению количества потенциально независимых участников выборного процесса [Политическое развитие России... 2016, с. 117–118]. Наши собственные наблюдения выборов в ЦФО выявляют еще и слабую организационно-кадровую подготовку региональных отделений новых политических партий, не сумевших (не решившихся) качественно провести сбор подписей для регистрации своего списка.

Одним из инструментов оценки результатов электоральной поддержки политических партий является индекс эффективного числа электоральных партий (ЭЧЭП). В рассматриваемый период

¹ Министерство юстиции РФ направляет в избирательные комиссии субъектов РФ список общественных объединений, политических партий и их региональных отделений, имеющих право участвовать в региональных парламентских выборах конкретного региона.

данный показатель во всех регионах ЦЧР составляет меньше двух (см. табл. 2). Динамика индекса проанализирована как на основе расчета поданных за партии голосов на региональных парламентских выборах, так и на основе полученных депутатских мандатов в региональных легислатурах. Наиболее низкий «электоральный» показатель уровня фрагментированности партийной системы зафиксирован в Курской и Тамбовской областях по итогам парламентских выборов 2016 г. Наиболее существенное снижение индикатора произошло в Липецкой области.

Таблица 2

**Эффективное число партий
в региональных парламентах ЦЧР**

Область / годы	Индекс, на основе результатов голосования за списки партий по единому избирательному округу		Индекс, на основе распределения депутатских мандатов	
	2010 / 2011	2015 / 2016	2010 / 2011	2015 / 2016
Белгородская	1,05	1,04	1,4	1,2
Воронежская	1,05	1,08	1,3	1,1
Липецкая	1,06	1,32	2,1	1,6
Курская	1,07	0,95	1,7	1,6
Тамбовская	1,08	0,71	1,4	1,2

Таким образом, увеличение количества партий не привело к появлению авторитетных у избирателей региональных отделений политических партий, а также референтных игроков в региональных легислатурах, противостоящих доминированию партии парламентского большинства. Партия «Единая Россия», занимающая центральное место в партийной системе страны, сохранила доминирование в региональных парламентах ЦЧР после партийной реформы. Указанная динамика позволяет подтвердить выводы наблюдателей о формальном присутствии в политической жизни ЦЧР большинства непарламентских партий, возникших после партийной реформы, об их «нежизнеспособности» [Голосов, 2016, с. 9].

Результаты голосования на региональных парламентских выборах в ЦЧР повторяют федеральную тенденцию высокой электоральной поддержки партии «Единая Россия». Более того, анализ доли голосов, поданных за списки политических партий в региональные парламенты в каждом регионе, фиксирует рост ее электо-

ральной поддержки. Наибольший рост зафиксирован в Липецкой области (с 0,39 в 2011 г. до 0,54 – в 2016 г.). Самый высокий показатель «Единой России» на выборах 2015–2016 гг. в Воронежской области (0,74), наименьший – в Курской (0,50).

Данные электоральной статистики позволяют установить динамику результатов политических партий, противостоящих «Единой России». В рассматриваемый период в ЦЧР электоральный потенциал значимых «оппозиционных» партий снижается – наибольшие потери зафиксированы у «Справедливой России». Уровень электоральной поддержки ЛДПР, напротив, незначительно повысился. Стабильно низким электоральным потенциалом в макрорегионе обладает «Яблоко» (см. табл. 3).

Таблица 3

**Динамика результатов «оппозиционных» партий
на выборах в региональные legislatures по
пропорциональной части в 2010–2016 гг.
(в долях проголосовавших избирателей)**

<i>Партия / Средняя доля голосующих</i>	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>«Справедливая Россия»</i>	<i>«Яблоко»</i>
2010–2011 гг.	0,260	0,096	0,102	0,02
2015–2016 гг.	0,118	0,106	0,06	0,02

Рассматривая электоральные потери «оппозиционных» партий в разрезе регионов, мы фиксируем наибольшие потери КПРФ в Липецкой – на 13 п.п. (с 0,23 до 0,10), Белгородской и Воронежской областях на 9 п.п. (с 0,18 до 0,09 и 0,19 до 0,10 соответственно). Наибольший рост поддержки ЛДПР в Курской области (с 0,12 до 0,21), в Тамбовской – на 2 п.п. (с 0,07 до 0,09). Наибольшие потери у ЛДПР в Липецкой области (0,16 до 0,09), в Белгородской и Воронежской областях – снижение на 1 п.п. (см. табл. 4).

Таблица 4

**Динамика результатов партий на выборах в региональные
легислатуры по пропорциональной части в 2010–2016 гг.
(в долях проголосовавших избирателей)**

		<i>Единая Россия</i>	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>«Справедливая Россия»</i>	<i>«Патриоты России»</i>
Белгородская область	2010	0,66	0,18	0,07	0,05	0,01
	2015	0,70	0,09	0,06	0,06	0,01
Воронежская область	2010	0,63	0,19	0,09	0,06	X
	2015	0,74	0,10	0,08	0,03	0
Липецкая область	2011	0,39	0,23	0,16	0,18	X
	2016	0,54	0,10	0,09	0,04	0,01
Курская область	2011	0,45	0,22	0,12	0,15	0,02
	2016	0,50	0,15	0,21	0,13	0,50
Тамбовская область	2011	0,65	0,18	0,07	0,06	X
	2016	0,62	0,15	0,09	0,07	0,62

Снижение поддержки оппозиционных партий сопровождается общим для всего ЦЧР снижением участия избирателей в голосовании. В целом в 2010-е годы явка на региональных парламентских выборах в рассматриваемых областях снизилась в среднем на 6,2 п.п. Как и в целом по стране, зафиксировано падение участия в выборах жителей крупных городов: в среднем в ЦЧР явка на «селе» в 2010–2011 гг. выше, чем в «городе» на 18,6 п.п., а в 2015–2016 гг. – выше на 23,13 п.п. Наибольший разрыв в явке на выборах в 2010–2011 гг. между «селом» и «городом» зафиксирован в Белгородской и Воронежской областях (на 33 п.п. и 28 п.п. соответственно), наименьший – в Тамбовской области (9 п.п.). На выборах 2015–2016 гг. «лидеры» разрыва поменялись, а разница между «селом» и «городом» составила в Воронежской области 45,5 п.п., в Белгородской – 35,7 п.п. Наименьшее расхождение между «селом» и «городом» в явке в этот период в Курской области – на 6,5 п.п. (см. табл. 5).

Таким образом, снижающаяся общая явка на выборах с одновременным ростом числа голосующих «сельских» избирателей подтверждает факт снижения участия в региональных выборах жителей городов ЦЧР.

Таблица 5

Зависимость уровня явки от типа населенного пункта

	<i>Тип населенного пункта</i>	<i>Явка (в %)</i>
<i>2010 / 2011 гг.</i>		
Белгородская область	Город	49
	Село	82
Воронежская область	Город	43
	Село	71
Липецкая область	Город	51,8
	Село	64
Курская область	Город	47
	Село	58
Тамбовская область	Город	50
	Село	59
<i>2015 / 2016 гг.</i>		
Белгородская область	Город	36,57
	Село	72,25
Воронежская область	Город	29,62
	Село	75,16
Липецкая область	Город	46,68
	Село	60,96
Курская область	Город	43,51
	Село	49,99
Тамбовская область	Город	44,86
	Село	58,56

Результаты анализа электоральной статистики демонстрируют одновременное снижение явки городских избирателей на региональных парламентских выборах в ЦЧР и увеличение количества голосов за партию «Единая Россия». В среднем по ЦЧР зафиксированы: сильная зависимость между «сельскими» ТИК / ОИК и голосованием за список партии «Единая Россия» (0,6) и слабая зависимость в городских ТИК / ОИК (0,3). Наибольшую поддержку в 2010 г. «Единой России» оказали «сельские» избиратели в Белгородской и Воронежской областях, с тенденцией ее увеличения в Воронежской области в 2015 г. до 82%. (см. табл. 6).

Таблица 6

**Зависимость доли голосов за партию
«Единая Россия» и типа населенного пункта**

<i>Область</i>	<i>Тип населенного пункта</i>	<i>Результаты «Единой России», доля голосов</i>
<i>Результаты «Единой России» в 2010 / 2011 гг.</i>		
Белгородская область	город	0,56
	село	0,72
Воронежская область	город	0,47
	село	0,71
Липецкая область	город	0,29
	село	0,51
Курская область	город	0,37
	село	0,51
Тамбовская область	город	0,64
	село	0,67
<i>Результаты «Единой России» в 2015 / 2016 гг.</i>		
Белгородская область	город	0,47
	село	0,70
Воронежская область	город	0,56
	село	0,82
Липецкая область	город	0,47
	село	0,66
Курская область	город	0,42
	село	0,59
Тамбовская область	город	0,70
	село	0,70

Нехарактерную для других регионов равномерность в поддержке «Единой России» демонстрирует Тамбовская область: за данную партию проголосовали 64% «горожан» и 67% «селян» в 2011 г. и по 70% «горожан» и «селян» – в 2016 г. Таким образом, анализ электоральной статистики подтверждает федеральную тенденцию зависимости электоральных результатов «Единой России» от количества проголосовавших избирателей и типа населенного пункта.

Сопоставление данных электоральной статистики позволяет выявить некоторые другие закономерности голосования в регионах ЦЧР. В соответствии с федеральным законодательством участковая избирательная комиссия обязана обеспечить возможность участия в голосовании избирателей, внесенных в список избирателей, но не имеющих возможности по состоянию здоровья или ин-

валидности прибыть в помещение для голосования¹. Правом голосования вне избирательного участка в регионах ЦЧР на протяжении рассматриваемого периода пользовались 11–18% избирателей, принявших участие в голосовании (см. табл. 7).

Таблица 7

**Доля избирателей, проголосовавших
вне избирательных участков**

	<i>2010 / 2011 гг.</i>	<i>2015 / 2016 гг.</i>
Белгородская область	0,12	0,14
Воронежская область	0,16	0,18
Липецкая область	0,12	0,13
Курская область	0,13	0,11
Тамбовская область	0,18	0,11

На региональных парламентских выборах в 2011 г. 18% избирателей Тамбовской и 16% Воронежской областей проголосовали вне участков для голосования. На выборах 2015 / 2016 гг. в Белгородской, Воронежской и Липецкой областях доля голосования вне участка увеличилась на 1–2 п.п.

Сравнение данных между «городскими» и «сельскими» ТИК / ОИК фиксируют закономерность превышения количества «сельских» избирателей, проголосовавших вне участка для голосования (см. табл. 8).

Самые высокие показатели голосования вне участков на сельских избирательных участках в Тамбовской (27,3%), Курской (22,3) и Воронежской (21,7%) областях на выборах в 2010–2011 гг.

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 11.12.2018) // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (Дата посещения: 31.01.2019.)

Таблица 8

Зависимость голосования «вне участка» от типа поселения

Область, год / Тип поселения		Бюллетеней действительных в переносных урнах		Всего бюллетеней действительных		Доля голосов (город)	Доля голосов (село)
		«Город»	«Село»	«Город»	«Село»		
Белгородская	2010	24 210	68 067	277 960	498 699	8,71	13,65
	2015	19 697	68 737	202 164	445 632	9,74	15,42
Воронежская	2010	34 957	138 420	444 048	638 769	7,87	21,67
	2015	34 332	135 600	301 848	643 465	11,37	21,07
Курская	2011	8588	56 665	241 886	254 399	3,55	22,27
	2016	5897	39 429	223 405	209 474	2,64	18,82
Липецкая	2011	16 095	47 985	302 109	240 030	5,33	19,99
	2016	23 372	39 429	223 405	221 831	10,46	17,77
Тамбовская	2011	32 966	47 615	291 209	174 537	11,32	27,28
	2016	20 465	26 171	257 786	162 025	7,94	16,15

Анализ данных электоральной статистики позволяет выявить закономерности электорального выбора избирателей, проголосовавших вне участка для голосования. Корреляционный анализ между количеством действительных бюллетеней в переносных урнах и голосами, отданными за партию «Единая Россия», демонстрируют высокую связь этих показателей (см. табл. 9).

Таблица 9

Корреляция показателей «бюллетени из переносных урн» и «голоса за «Единую Россию»»

	2010 / 2011 гг.	2015 / 2016 гг.
Белгородская область	0,87	0,84
Воронежская область	0,93	0,94
Липецкая область	0,93	0,94
Курская область	0,31	0,12
Тамбовская область	0,93	0,94

Сильная корреляция на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается в Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областях. Общую зависимость «нарушают» результаты голосования в Курской области, где корреляция между голосованием вне участка и голосованием за «Единую Россию» не выяв-

лена. В то же время сопоставление количества голосов, поданных за «Единую Россию» на участках для голосования, и вне участков для голосования, фиксирует незначительное влияние голосов «вне участка» на общие результаты партии.

Интересным показателем электоральной статистики могут быть данные о количестве недействительных бюллетеней. В рассматриваемый период на региональных парламентских выборах в ЦЧР количество недействительных бюллетеней колебалось в пределах 2–3%. В разрезе регионов более всего недействительных бюллетеней в Курской области – 3,69%. Существенное снижение количества недействительных бюллетеней произошло в Тамбовской области: с 3,61% в 2011 г. до 1,85% в 2016 г. Значительная отрицательная корреляция зафиксирована между количеством недействительных бюллетеней и количеством бюллетеней в переносных урнах в Липецкой и Тамбовской областях. Это означает, что в названных областях доля испорченных бюллетеней незначительна при голосовании вне участка.

Рассмотрим электоральную статистику в ЦЧР по выборам глав субъектов Федерации. Замечено, что персональные «выборы в России проходят в условиях повышенной явки избирателей и отличаются мобилизацией электората вокруг инкумента или иного «основного» кандидата, представляющего правящие элиты страны» [Туровский, 2018, с. 23]. Принимая электоральное решение, избиратель выбирает своего кандидата не из всех участвующих в выборах кандидатов, а из числа тех, кто способен одержать победу. Такая стратегия выбора приводит к консолидации вокруг инкумента или его преемника, выступая наиболее значимой и заметной тенденцией в рамках «конвертации» голосования за партийные списки на парламентских выборах в последующее голосование на выборах главы региона.

Данная тенденция не полностью повторяется при сравнении явки на региональных парламентских выборах и выборах глав субъекта Федерации (см. табл. 10).

В целом явка на региональных выборах в ЦЧР снижается. Сравнение участия в парламентских выборах и выборах глав региональных администраций по регионам фиксирует снижение явки в Воронежской и Курской областях и ее рост в Тамбовской области. Количество зарегистрированных участников губернаторских выборов в ЦЧР в 2010-х годах выглядит формально конкурентным: Бел-

городская область – четыре кандидата, Воронежская – пять и шесть кандидатов, Курская, Липецкая, Тамбовская области – по пять кандидатов. КПРФ, вторая по парламентскому влиянию политическая партия, не регистрировала своего кандидата в Белгородской области в 2012 г. и в Липецкой области в 2014 г.

Таблица 10

**Явка на выборах региональных legislatures
и глав субъектов Федерации, %**

	Явка избирателей на выборы депутатов региональных legislatures, %		Явка избирателей на выборы глав субъектов, %	
	2010 / 2011	2015 / 2016	2012 / 2015	2017 / 2018
Белгородская область	64,63	53,93	59,47	54,68
Воронежская область	56,39	50,40	57,18	44,83
Курская область	52,34	46,69	38,95	X
Липецкая область	56,60	52,08	47,48	X
Тамбовская область	53,25	49,08	57,76	X

В четырех из пяти регионов кандидат в статусе «исполняющий обязанности» побеждал с сильным отрывом от других кандидатов. Лишь в Курской области отрыв победителя от второго результата составил 36 п.п. В четырех обозначенных регионах в 2012–2014 гг. зафиксирована взаимосвязь между «отрывом» основного кандидата от остальных и уровнем явки: чем выше явка, тем больше отрыв инкумбента от остальных кандидатов. На губернаторских выборах 2017–2018 гг. в двух регионах данная связь проявляется менее явно (см. табл. 11). Особенностью Белгородской области стало значительное снижение уровня поддержки «инкумбента» при сохраняющемся уровне явки.

Таблица 11

**Взаимосвязь явки на выборах и «отрыва» инкумбента
на губернаторских выборах в ЦЧР**

Регион	2012–2014 гг.		2017–2018 гг.	
	«Отрыв инкумбента»	Явка, доли	«Отрыв инкумбента»	Явка, доли
Белгородская область	0,58	0,59	0,34	0,55
Воронежская область	0,78	0,57	0,53	0,45
Липецкая область	0,66	0,48	X	X
Курская область	0,36	0,39	X	X
Тамбовская область	0,72	0,58	X	X

«Слабые» оппозиционные кандидаты на губернаторских выборах – это характерная тенденция для большинства выборов глав субъектов Федерации. По наблюдениям А. Кынева, в 2014 г. более половины преодолевших муниципальный фильтр «оппозиционных» кандидатов получили менее 5% голосов, около трети кандидатов – менее 3%, а почти пятая часть кандидатов – менее 2% [Кынев, 2015, с. 129; 2018, с. 151].

Выводы

Региональные выборы традиционно вызывают меньший интерес у избирателей, чем федеральные. Однако уровень конкурентности, возможностей для репутационного или даже статусного закрепления новых политических игроков на региональных выборах выше. Более широкие возможности для оппозиционных политиков на региональном уровне создают ожидания их большей активности. Действительно, по итогам партийной реформы 2012–2014 гг. выросло количество участников региональных избирательных кампаний. Однако противоречивые эффекты реформы не привели к появлению новых сильных субъектов политического процесса, к росту реальной партийной и персональной конкурентности. По наблюдениям А. Кынева, партийное поле в регионах России в 2015–2016 гг. остается сегментированным, борьба идет в рамках сложившихся партийных ниш («партия власти», «коммунисты», «социальные партии»). Из новых партий относительный успех демонстрируют проекты, конкурирующие в нишах коммунистической или социальной партии. Оппозиционные партии (как старые, так и новые) не сумели поколебать доминирования «Единой России» в региональных парламентах [Политическое развитие России... 2016, с. 124]. В социальном пространстве закрепились четыре парламентские партии, а непарламентские партии не смогли сформировать ядро своих сторонников.

Парламентские оппозиционные партии в рассматриваемый период в ЦЧР не имеют ни институциональных возможностей, ни достаточного электорального потенциала, чтобы участвовать в переговорном процессе по поводу законопроектов регионального уровня. Основной функцией парламентской и непарламентской

оппозиции является критика доминирующей партии и предложения альтернативных законопроектов.

На основе анализа электоральной статистики по региональным выборам в ЦЧР можно сделать следующие выводы:

- в рассматриваемый период в целом по ЦЧР снижается участие избирателей в выборах, несмотря на увеличение числа партий – участников электорального соревнования;

- электоральный потенциал оппозиционных партий выше в городских поселениях, избиратели которых менее активно участвуют в выборах, но и реже поддерживают «партию власти»;

- нехарактерную для остальных регионов равномерную поддержку партии «Единая Россия» демонстрируют итоги голосования в городских и сельских поселениях Тамбовской области;

- наибольшие электоральные потери в рассматриваемый период зафиксированы у КПРФ и партии «Справедливая Россия» в Белгородской, Воронежской и Липецкой областях. Показатели партии «Яблоко» оставались стабильно низкими, а ЛДПР – незначительно выросли;

- на региональных выборах в ЦЧР зафиксирован высокий показатель голосования вне избирательных участков, с незначительным его ростом в Воронежской и Липецкой областях;

- зафиксирована сильная корреляция между голосованием вне участка и поддержкой партии «Единая Россия» во всех регионах, кроме Курской области;

- количество недействительных бюллетеней на региональных выборах в ЦЧР, как возможная вариация «протестного» голосования, не выявило какой-либо динамики;

- выборы глав субъектов Федерации ЦЧР зафиксировали существенный отрыв «основного» кандидата от остальных, что сигнализирует о слабой межэлитной конкуренции и об отсутствии электорального потенциала у оппозиционных кандидатов в рассматриваемый период, за исключением результатов Курской области.

Список литературы

Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (Дата посещения: 31.01.2019.)

- Гельман В.Я. Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 256 с.
- Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015: Сборник статей. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 668 с.
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 144 с.
- Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России / Под общ. ред. А.В. Понделкова, А.М. Старостина. – М.: КРАСАНД, 2017. – 512 с.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 4. – С. 76–95.
- Кынев А.В. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 372 с.
- Кынев А.В. Российские выборы – 2017: Преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. – 514 с.
- Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 350 с.
- Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: Предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. – 204 с.
- Политическое развитие России. 2014–2016: Институты и практики авторитарной консолидации / Под ред. К. Рогова. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 216 с.
- Политлексикон: Понятие, факты, взаимосвязи / Под общ. ред. В.П. Любина, Р. Крумма; науч. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова; пер. с нем. В.П. Любина, М.А. Елизарьевой. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 783 с.
- Саква Р. Партия и власть в современной России: Между представительством и мобилизацией // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 1. – С. 60–72.
- Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: Опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. – М., 2004. – № 3. – С. 125–137.
- Сонное царство: Как партии забыли об избирателях // Голос за честные выборы. – Режим доступа: <https://www.golosinfo.org/ru/articles/142986> (Дата посещения: 31.01.2019.)
- Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: Региональные особенности // Полития. – М., 1999–2000. – № 4, зима. – С. 102–121.
- Туровский Р.Ф. Президентские выборы в России: Возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. – М., 2018. – № 2. – С. 23–50.
- Brack N., Weinblum S. «Political Opposition»: Towards a renewed research agenda // Interdisciplinary political studies. – Salento, 2011. – Vol. 1, N 1. – P. 69–79.
- Kubat M. Teoria opozycji politycznej. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010. – 162 s.
- Sartory G. Parties and party systems: A Framework for analysis. – Oxford: Univ. of Oxford, 2005. – 368 p.